

Рост или развитие?

Мир после кризиса

Денис Драгунский

Автомобиль — величайшее техническое изобретение и мощный фактор социального и экономического развития. Вместе с тем автомобиль — это паралич дорог и экологический кошмар, самое неудобное, дорогое, вредное и опасное индивидуальное транспортное средство. Но все остальные — еще хуже. На сегодняшний день. Пока.

Однако уже сейчас ясно, что инфраструктурные, энергетические, экологические и экономические проблемы автотранспорта требуют или в ближайшее время потребуют более радикальных решений, чем переход на частичное электропитание (так называемые гибридные автомобили) или повышение платы за въезд в центр города. Возможно, в недалеком будущем произойдет революция малого транспорта. В настоящее время трудно сказать, какие очертания примут новые индивидуальные транспортные системы. Возможно, это будет некое поразительное техническое решение, которое сегодня сложно себе представить даже в самых смелых фантазиях. Возможно, речь пойдет о кардинальном изменении самого принципа подвижности: не человек будет ездить на работу, в магазин, в кино и т.д., а работа, товары, услуги и развлечения придут к нему домой. Так или иначе, но домик на колесах с бензиновым мотором будет, скорее всего, заменен

или существенно потеснен чем-то другим. Такова логика кризиса: мы не знаем, каков будет выход, мы даже не знаем, когда он будет найден, но мы абсолютно уверены (и весь исторический опыт говорит нам об этом), что выход есть.

Следует отметить одну важную вещь: движущей силой новой транспортной революции станет не экономическая необходимость, а политическая воля. Несмотря на все недовольства экологов, организаторов дорожного движения и самих водителей, автомобильная отрасль является мощной и весьма прибыльной, поэтому надеяться на спонтанный жест «невидимой руки рынка» не придется. Тем более что политика в данном и во многих сходных случаях нередко идет на поводу у корпоративных и частных интересов; кроме того, сохранение рабочих мест — едва ли не главная политическая мантра, особенно во времена экономического кризиса. Вот почему речь должна идти о трезвой и рациональной политической воле.

Возможно, наступивший глобальный кризис освободит политику из плена экономики: оковы тяжкие падут, темницы рухнут. Остается надеяться, что это будет *творческое разрушение*, что в результате удастся построить несколько более устойчивую и, главное, более рациональную структуру.

От политики к экономике и обратно

«Автомобильная метафора» хорошо описывает стремительное накопление отрицательных внешних эффектов: любые попытки действовать в привычном русле (как говорится, «усилить и углубить») только усугубляют проблемы.

Кризис — это исчерпание национальных приоритетов. Приоритеты бывают политические и экономические. Разумеется, не существует чистой политики или чистой экономики, поскольку ни одна из проекций — политическая, экономическая, социальная и ценностная — не свободна от остальных. Однако можно говорить о преимущественной направленности сообщества на решение задач разного типа: либо на достижение неких высоких, надчеловеческих целей, либо на извлечение прибыли и достижение комфорта. Необходимо вновь и вновь оговариваться: высокие цели отнюдь не всегда бывают *благими* целями; с другой стороны, надо всегда помнить мысль Георгия Федотова о том, что в условиях народной бедности даже небольшое повышение жизненного уровня становится величайшим нравственным благом. Все так. Тем не менее бывают периоды, когда в жизни страны или целого блока стран главенствует политический проект, и он подчиняет себе хозяйственную деятельность. Это, условно говоря, «*политическая эпоха*». Экономические акторы (от промышленников до потребителей) в общем и целом действуют в русле национальных политических задач. Поначалу это может стимулировать хозяйственное развитие, но экономическая свобода, так или иначе, ограничивается. Могут появиться серьезные диспропорции, особенно если политика слишком настойчиво вмешивается в экономику. Дело может

закончиться стагнацией или значительным хозяйственным упадком. Но даже в самом лучшем случае в обществе возникает тягостное чувство истощенности национального проекта, чувство усталости от напрасно понесенных убытков, а то и жертв.

Когда политический проект драматически рушится (как «проект СССР») или более или менее планово завершается (как «проект холодная война»), экономика освобождается от императива политической целесообразности, и наступает «*экономическая эпоха*». В Северо-Западном мире, включая бывший СССР, политические приоритеты исчерпались к концу 1980-х годов (по моему убеждению, проект Единой Европы не является политическим — он скорее социальный, гасящий политическую конкуренцию, экспансию, доминирование). Политики, словно чувствуя вину перед экономикой, установили либеральный деловой режим. Нечто подобное произошло почти двести лет назад, когда король Луи-Филипп провозгласил лозунг «Обогащайтесь!» в качестве национального приоритета. Десятилетия казней, войн и революционного накала просто требовали резкого поворота руля — от высоких политических идеалов к осязаемым и доступным экономическим достижениям.

Здесь чрезвычайно важно подчеркнуть следующее. Деловой режим устанавливается государством; только оно может формировать институты. Срачивание капитала и власти, лоббирование, коррупционное давление ничего не меняют по существу отношений политики и экономики: политика главнее, а государство сильнее. Либеральная доктрина требует, чтобы государство свело к минимуму свое участие в экономике, чтобы оно превратилось в «ночного сторожа», в гаранта исполнения сделок, а уж форму и содержание сделок будут

определять сами экономические агенты. Но надо иметь в виду, что если государство в лице административных элит согласится в течение некоторого времени играть такую скромную роль, то это будет добровольное решение указанных элит. У бизнеса нет средств принудить государство действовать тем или иным образом (не следует преувеличивать значение лоббизма или коррупции — здесь речь всегда идет об отдельных предпочтениях для отдельных предприятий), у государства же достаточно средств, чтобы изменить деловой режим. Отметим также некоторую асимметрию мотиваций. Изменение делового режима в сторону социализма довольно часто происходит под давлением граждан (избирателей, манифестантов, забастовщиков), изменение же в сторону либерализма практически всегда происходит вследствие убежденности властной элиты в необходимости именно такого перемены. Рациональная бюрократия будет сильно востребована в посткризисную эпоху. Другое дело, что способность нынешней бюрократии быть *рациональной* пока под вопросом.

На короткое время на Северо-Западе, включая Россию, восторжествовал своего рода «либеральный квази-социализм» — потакание финансовым махинациям верхов сочеталось с ростом кредитования низов. Очевидно, что эти два момента были тесно связаны: финансовый пузырь раздували не только безответственные биржевые спекулянты, но и широкие кредитуемые массы.

Итак, на смену жесткому политическому целеполаганию приходит экономическая свобода, которая снова сменяется политической рациональностью. Такова циклическая логика кризиса. Политическая целесообразность упряма и слепа, — но столь же слепа безоглядная погоня за прибылью. Производные инструменты финансовых рынков

в принципе мало отличаются от многоступенчатых систем военно-политического сдерживания и устрашения. И то и другое перегревает, раздувает структуры проекта до некоего критического уровня, за которым — самоубийственная война или радикальный пересмотр внешней и военной политики, тотальный экономический крах или попытка осторожно сдуть пузырь.

Посткризисные времена, скорее всего, вновь будут политическими, государственными. Необходимость латать дыры, прогрызенные кризисом, усугубится недоверием к экономическим вольностям (как к чужим, так и к собственным — семейным, личным, купательским).

Интерес к астрономии

Смена приоритетов вызовет изменение жизненного стиля. Из прессы, массовой культуры и вообще из житейского обихода постепенно уйдут гламур, культ роскоши, влюбленность в богатство и богатых. Ценность вновь приобретут честность, достоинство, образованность, стойкость в испытаниях. Потребительский ажиотаж сменится экономностью, в моду войдут скромность и сдержанность вплоть до своеобразного аскетизма.

Ценность экономического роста сменится ценностью хозяйственного развития.

Это две разные концепции.

Рост (по крайней мере, в настоящее время) — это скорее цифровой показатель, впечатляющая динамика биржевой капитализации, а если говорить совсем просто — павлиний хвост, который выпускается перед мировым сообществом и собственными избирателями. Не исключено, что фетишизация экономического роста возникла как политическая технология, как стремление продемонстрировать гражда-

нам успехи правительства. Можно достичь высочайшего экономического роста в стране, где окраины пребывают в запустении, а две трети населения — в нищете (замечу в скобках: удивительно не это, а то, что цивилизованный мир позитивно воспринимает гибриды феодализма и информационных технологий).

Развитие подразумевает реальные позитивные перемены в области человеческих ресурсов (качество жизни, образование), инфраструктуры, модернизации производства, в институциональной сфере.

Проекты развития могут снижать параметры роста и даже параметры потребления — в той мере, в какой они оценивались ранее. Будет создана новая система оценок хозяйственного развития. Соответственно, изменится в сторону большей прозрачности и надежности вся система финансовых инструментов и шире — институциональная основа хозяйствования.

2009 год объявлен ЮНЕСКО «всемирным годом астрономии». Планируется бесплатно раздать людям несколько миллионов небольших телескопов, научить их смотреть на Луну и звезды, а также бороться со световым загрязнением больших городов — проще говоря, с огнями рекламы. Люди должны увидеть и понять, что вечный спокойный свет звезд над крышами домов лучше, чем назойливое мигание цветных лампочек. Думается, что это не случайно. Это символизирует ожидаемые перемены.

Посткризисная демократия

В начале этих заметок речь шла об автомобилях. Сейчас придется говорить о чем-то не менее болезненном и трудном. Без автомобиля нельзя, но с автомобилем сплошные хлопоты: чтобы решить проблему, надо предпринимать нечто неординар-

ное. Примерно то же происходит и с демократией. Плюсы демократии бесспорны, но куда труднее понять и принять, что ее отрицательные внешние эффекты бывают весьма высоки. Думается, что залог жизнеспособности демократии — в смелом обсуждении ее проблем; любые табу здесь приносят только вред.

Не исключено, что нынешний кризис «экономической эпохи» являет собой кумулятивный внешний эффект принципа «laissez faire» и нарциссического упоения экономическим ростом. Нынешняя демократическая процедура перестала соответствовать гражданским чувствам людей, воспитанных на уважении к свободе выбора. Чрезмерность политтехнологического давления вызывает недоверие к результатам выборов, снижение политического участия и, соответственно, фактическую делегитимацию политического процесса. Более того, сама по себе демократическая легитимация власти перестала быть так уж необходимой. Харизма становится если не важнее процедуры, то воспринимается наряду с ней. Кроме того, начинает укрепляться, словно возродившись из монархического прошлого, легитимация по крови, и это теперь свойственно не только режимам, которые иногда третируются как «азиатские», но и просвещенным демократиям Северо-Запада. Этот феномен нуждается в обсуждении и осмыслении. До последнего времени правящей элите, в общем-то, было безразлично мнение широких масс, хотя она, разумеется, старалась потакать народу по непринципиальным вопросам. Народ относился к власти с точно таким же безразличием, хотя старался быть вежливым. Возможно, кризис оживит диалог народа и власти.

В предыдущем номере «Космополиса» я писал, что государство как суверен стано-

вится всего лишь одним из игроков на национальной бирже. А государство как субъект международного права — лишь одним из актеров на всемирной сцене.

Возникают и некоторые другие тенденции.

Одно из важнейших достижений демократии — регулярная сменяемость власти — может оказаться неожиданной помощью для эффективных действий и, особенно, взаимодействий на межгосударственном уровне. Это уже сейчас проявляется в диалоге России и Запада, а в ближайшие годы станет еще отчетливее. Западные демократии вынуждены раз в четыре-пять-семь лет отчитываться перед избирателями и менять политический курс. Российская правящая элита, обеспечившая стабильность своей власти, лишена этих неприятных хлопот. Этот конфликт политических рамок требует решения, хотя сегодня невозможно сказать, какая из них возобладает.

Возможно, в качестве существенного дополнения традиционной демократической процедуры придет некий новый принцип, который можно назвать «глубоко эшелонированным консенсусом». Обсуждение, корректировка и принятие решений (как локальных, так национальных и транснациональных) будут происходить в ходе постоян-

ных гражданских, в том числе экспертных, консультаций на всех уровнях — от муниципального до общегосударственного. Это, в частности, решит проблему политического участия и национальной консолидации. Ценность рационального целеполагания и целедостижения повысится, и будут найдены формы, позволяющие оптимизировать усилия в этой сфере. Поэтому следует ожидать появления международных альянсов профессионалов в области управления макропроцессами.

Разумеется, наступающая политическая эпоха чревата своими трудностями. Могут возникнуть свои фетиши, свои пирамиды, свои перегревы. «Инновация» и «креативность» могут стать такими же бессодержательными критериями, как «увеличение валового внутреннего продукта», как пресловутые советские «тонно-километры». Однако можно надеяться, что урок нынешнего кризиса пойдет впрок, и место финансовых пустышек не займут пустышки политические.

Так или иначе, на посткризисной повестке дня стоит уже не рост показателей, а развитие реальностей — человека, инфраструктуры, институтов.

Невидимая рука рынка плохо работает в одиночку. Ей нужны сердце и мозг.

V юбилейный Конвент РАМИ «МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ВЗГЛЯД ИЗ БУДУЩЕГО»

26–27 сентября 2008 г. в МГИМО (У) МИД России состоялся V юбилейный Конвент Российской ассоциации международных исследований на тему «*Мировая политика: взгляд из будущего*». В нем приняли участие более 500 человек, в том числе иностранные гости из США, Франции, Германии, Южной Кореи, Испании, Финляндии, Италии, Великобритании и других стран. Конвент был организован при поддержке Инновационной образовательной программы МГИМО, в сотрудничестве с Ассоциацией международных исследований (ISA) и Посольством Франции в России.

На пленарном заседании выступили первый заместитель министра иностранных дел РФ А. Денисов, посол Франции в России С. де Лабуле, ректор МГИМО, президент РАМИ академик А. Торкунов, исполнительный директор Ассоциации международных исследований (ISA) Т. Волджи, президент Ассоциации международных исследований Н. Гледитч, председатель программного комитета Конвента А. Мельвиль.

В рамках форума была организована работа 26 секций и 7 «круглых столов», в том числе секций «Политическая система современного мира: новые реалии — старые правила», «Пост-секулярные общества: перспективы и реальность», «Теоретические проблемы анализа современных международных отношений и внешней политики», «Южный Кавказ: проекты и прогнозы как искусство возможного», «События, которые изменили мир: Китай–1987 и Россия–1991», «Перспективы совместного предпринимательства в глобальной экономике», «Госрегулирование международного движения капитала и рабочей силы: взгляд из будущего». Проблемы взаимодействия России и Евросоюза и роли Франции в развитии ЕС обсуждались на франко-русской секции, организованной совместно с Французским институтом международных исследований и Французским культурным центром в Москве. Один из «круглых столов» — «И.Г. Тюлин и международные исследования в России: связь времен» — был посвящен памяти первого проректора МГИМО профессора И. Тюлина.

На секциях и «круглых столах» было представлено более сотни докладов по самым разным темам, имеющим отношение к мировой политике. Об итогах некоторых дискуссий руководители секций рассказали в ходе заключительного пленарного заседания 27 сентября. В частности, профессор кафедры международного права МГИМО Ю. Малеев поделился результатами работы секции «Международное право в XXI веке», доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО, председатель секции «Асимметрия мирового суверенитета: зоны проблемной государственности» И. Кудряшова отметила участие в обсуждении темы представителей посольств многих стран, а также ученых из российских и зарубежных вузов, заведующий кафедрой философии МГИМО А. Шестопал отметил успех круглого стола «Этика бизнеса».

В заключение Конвента проректор МГИМО А. Мельвиль поблагодарил участников за интересные и плодотворные дискуссии и выразил надежду на дальнейшее развитие приобретенных на форуме контактов.

Подробнее с программой Конвента, темами выступлений, реакцией прессы можно ознакомиться на сайте: <http://www.convention2008.risa.ru>

Электронную версию материалов Конвента см.: <http://www.risa.ru>